

Идея отмирания права в раннесоветской теории права (1917–1930 гг.)

Богатырев Георгий Тимурович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
аспирант, консультант в Департаменте стратегического развития финансового рынка в Банке России; e-mail: gtbogatyrev@gmail.com.
 ORCID: 0000-0003-2553-3092.

Аннотация

В юридической литературе укрепилось представление о том, что советские ученые-юристы вплоть до начала 1930-х гг. прогнозировали отмирание права по мере строительства социализма. Настоящая статья ставит целью рассмотреть имевшиеся в СССР взгляды на эту проблему и проверить, действительно ли существовала такая теория. Опираясь на доктринальные источники, прежде всего работы советских правоведов П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса, М. А. Рейснера и И. П. Разумовского, автор проанализировал их воззрения на проблему отмирания права в контексте их научных теорий, а также положений классического марксизма. Установлено, что ни в одной из рассмотренных работ не содержится полноценной научной теории отмирания права. П. И. Стучка не поддерживал эту идею, а в своих произведениях писал об «отмирании» исключительно некоторых либеральных правовых доктрин (свобода договора, автономия воли и др.). Е. Б. Пашуканис, известный как наиболее влиятельный советский правовой нигилист, утверждал, что право будет полностью заменено техническими нормами, однако он не дал этому тезису пояснений. Во многих современных ему явлениях политики и экономики он видел признаки деградации права, но никак не объяснял, как это приведет к отмиранию права в целом. Замену права техническими нормами предсказывал и М. А. Рейснер, полагавший, что право должно было исчезнуть само собой, когда в обществе установятся всеобщие равенство и справедливость. Философ права И. П. Разумовский также описывал отмирание права лишь наиболее общим образом и, по-видимому, представлял его себе не более, чем идеологическим штампом. Неспособность советских теоретиков права сформулировать развернутую теорию отмирания права, полагаем, продемонстрировала устойчивость западной традиции права перед лицом многолетних решительных попыток ее деконструкции.

Ключевые слова: отмирание права, советская теория права, марксизм, технократия.

The Idea of the Withering Away of Law in the Early Soviet Legal Philosophy (1917–1930)

Georgy T. Bogatyrev, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
postgraduate student, consultant in the Department of Strategic Development of the Financial Market at the Bank of Russia; e-mail: gtbogatyrev@gmail.com.
 ORCID: 0000-0003-2553-3092.

Abstract

In the legal literature, the traditional idea is that Soviet legal scholars until the early 1930s rationally expected the withering away of law as socialism was being built. In this regard, this article aims to critically review the views on this problem that existed in the USSR and to check if such a theory (group of theories) really existed. To do this, the author checked the internal logic and detailing of the views of some leading Soviet legal philosophers (P. I. Stuchka, E. B. Pashukanis, M. A. Reisner, and I. P. Razumovsky). Their views on the problem of the withering away of the law were also compared with other elements of their scientific theories and with the provisions of classical Marxism. It has been established that none of the considered works contains a full-fledged scientific theory of the withering away of law. P. I. Stuchka never supported this idea, and in his works, he wrote about the “withering away” of only certain liberal legal doctrines (freedom of contract, the autonomy of will, etc.). E. B. Pashukanis, known as the most influential Soviet legal nihilist, argued that the law would be completely replaced by technical norms, but did not provide any explanation for this statement. In many contemporary phenomena of politics and economics, he saw signs of the degradation of law but did not explain in any way how this would lead to the withering away of law itself. The replacement of law by technical norms was also predicted by M. A. Reisner, but his view was even more

general — the law should have disappeared by itself when universal equality and justice would have been established in society. The philosopher I. P. Razumovsky also described the withering away of law only in general and, apparently, saw it as nothing more than an ideological stamp.

The inability to formulate a detailed theory of the withering away of law, we believe, demonstrates the stability of the Western tradition in the face of many years of determined attempts to deconstruct it.

Keywords: withering away of law, Soviet theory of law, Marxism, technocracy.

Введение

В философской и юридической литературе существует представление, что советские теоретики права ожидали отмирания права по мере развития социализма¹. Праву в СССР предсказывалась скорая кончина или как минимум дрящущая деградация.

Такой взгляд был характерен для американской советологии второй половины XX в. Так, профессор права Эдгар Боденхаймер критиковал перспективу скорого отмирания права, очерченную в работах советского теоретика права Е. Б. Пашуканиса². А в теории советского юриста П. И. Стучки он видел тот же самый прогноз, но в отношении более далекого будущего³. Аналогичная точка зрения прослеживается в работах современного американского юриста-советолога Питера Мэггса⁴, в том числе в статье «Советское право» в Британской энциклопедии⁵.

В России научной критике концепции отмирания права посвящена «Философия права» В. С. Нерсесянца⁶: он называет отрицание права центральной идеей советской теории права. В том или ином виде тезис об отмирании присутствует во многих современных русскоязычных работах⁷.

Эта идея имеет множество философских и исторических предпосылок. В общем виде отмирания права ожидали еще Маркс⁸ и Энгельс⁹. Об отмирании права в период «военного коммунизма» постоянно говорили советские политические лидеры и юристы, а само выражение «отмирание права» многократно встречается почти в каждой советской работе по теории права за период 1917–1929 гг.

Однако единого научного взгляда на этот вопрос не существовало. Период НЭПа в юридической науке характеризовался относительным плюрализмом и интеллектуальным подъемом, а советское правительство в то время еще не сформировало собственной точки зрения на вопросы теории права.

Ситуация поменялась с начала 1930-х гг., когда в отношении отдельных ученых-юристов начались кампании по дискредитации, а также уголовные репрессии. Наиболее заметна здесь судьба Е. Б. Пашуканиса, которого современники считали самым влиятельным сторонником идеи отмирания права. В конце 1930 г. Пашуканис публично причислили к «бухаринцам от права»¹⁰, и он счел необходимым публично отречься от части своих взглядов¹¹. Признанный авторитет в области теории права, уголовного и международного права, Пашуканис посетовал на незрелость своих взглядов, недостаточную марксистскую подготовку, попросил снисхождения в оценках своих сочинений и сожалел, что критика добралась до него слишком поздно и не позволила ему вовремя вернуться на истинный путь. Но даже при этом он продолжал настаивать на тезисе об отмирании права: «Как же вы хотите построить законченную систему права, исходя из таких общественных отношений, которые в себе заключают уже необходимость отмирания всякого права? Это же совершенно немислимая задача»¹².

¹ См., напр., *Медушевский А. Н.* Политическая мысль и дискуссии 20-х годов XX в. Полит. наука, 2001. № 1. С. 104.

² *Bodenheimer E.* Impasse of Soviet Legal Philosophy. Cornell L. Rev., 1952. Vol. 38. Art. 2.

³ *Bodenheimer E.* Review on Selected Writings on Soviet Law and Marxism by P. I. Stuchka. The American Journal of Comparative Law. Vol. 38. No. 1 (Winter, 1990). P. 196–199.

⁴ *Sharlet R., Maggs P., Beirne P.* P. I. Stuchka and Soviet Law. Revolution in Law: Contributions to the Legal Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. Taylor and Francis, 2017. P. 45–60.

⁵ *Maggs P.* Soviet law. Encyclopedia Britannica. 4 Aug. 2017. URL: britannica.com/topic/Soviet-law.

⁶ *Нерсесянц В. С.* Философия права: учебник для вузов. М.: Инфра-М: Норма, 1997. 647 с.

⁷ См., напр.: *Жуков В. Н.* Социология права в России: вторая половина XIX — первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект). Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 214, 223, 246; *Шепталин А. А.* Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920–1930-е гг. Lex Russica, 2022. Т. 75. № 4. С. 128–142.

⁸ Например, в «Критике Готской программы»: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям». Цит. по: *Выгородский В. С.* Критика Готской программы. БСЭ. В 30 т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969–1986.

⁹ Энгельс писал, что «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором». См. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. 1961. Т. 21. С. 173.

¹⁰ В наступление по всему фронту. Советское государство и революция права, 1930. № 11–12. С. 5.

¹¹ *Пашуканис Е. Б.* Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии). Советское государство и революция права, 1930. № 11–12. С. 35.

¹² Там же.

Опровержение не возымело ожидаемого эффекта и не предотвратило дальнейших нападков. Аналогичная судьба ждала и других ученых-юристов — часть из них подверглась репрессиям, а те, кто не дожили до большого террора, были забыты и вычеркнуты из официально одобряемого корпуса научной литературы на несколько десятилетий.

Однако современный критический обзор взглядов на проблему отмирания права показывает, что никакой научной теории отмирания права в СССР того времени не существовало. В настоящей статье на примере трех наиболее влиятельных советских теоретиков права — П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса и М. А. Рейснера — будет показано, что ни для кого из них отмирание права не было научно предсказанным результатом. Стучка не признавал деградации права, а Пашуканис и Рейснер смогли очертить лишь туманный образ утопического будущего. Для сравнения рассмотрим также оценку философа И. П. Разумовского, который в отмирании права видел лишь идеологический штамп.

Эти расплывчатые воззрения часто носят утопический характер, так как рисуют картину желаемого будущего, но не конкретизируют, какие факторы как и когда к нему приведут. В отличие от научной теории эти предсказания не имеют рациональной силы и не могут быть верифицированы научными средствами.

Доказательство тезиса об отсутствии научной теории отмирания права позволит нам заключить, что соответствующая дискуссия в академической среде оставалась беспредметной. Взгляды на отмирание права могли быть лишь поводом, но не причиной конфликтов в академической и политической среде 1930-х гг.

Прогноз замены буржуазного права пролетарским (П. И. Стучка)

Петр Иванович Стучка был известным юристом-большевиком еще до революции, а с 1923 г. он в течение 9 лет занимал должность председателя Верховного суда РСФСР. Если судить по его опубликованным научным работам, идея отмирания права ему никогда не была близка.

Стучка часто рассуждал об отмирании, но не права вообще, а исключительно «права в буржуазном смысле». Он ограничил марксистский прогноз об отмирании права конкретными доктринами буржуазно-демократических государств. По мнению Стучки, с победой революции отомрет не право вообще, а только буржуазное право. На смену ему придет качественно новое *пролетарское* право.

Причины отмирания буржуазного права Стучка видел в его неполноценности как социального феномена. Пролетарское право для Стучки в виде надстройки органически соответствовало социализму так же, как феодальное право соответствует феодализму. Вместе с тем утверждая таким образом, он отходил от классического марксизма, поскольку по Марксу не существует и не может существовать никакого другого права, кроме буржуазного, а последнее — высшая точка развития правовой надстройки. Пролетарская революция должна привести к отмиранию права, а не к следующей ступени его эволюции.

Чтобы ответить на вопрос, как право могло одновременно упраздниться и переходить в новое качество, Стучка предложил *расширить правопонимание* по сравнению с марксовым. Цель этого приема состояла в том, чтобы слова Маркса о необходимости отмены права как такового можно было истолковать как необходимость замены одних правовых институтов другими. При этом право вообще существовать не прекращает, просто меняет свое содержание.

Этот взгляд был сформулирован в преамбуле к написанным Стучкой Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹³ В ней указывалось, что буржуазное право вместе с буржуазным государством сдаются «в архив истории», а пролетариат сломал буржуазный государственный аппарат со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. «Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованную силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)»¹⁴, — комментировала преамбула правовое значение революции.

Здесь Стучка отрицает всякую преемственность и общность между буржуазным и пролетарским правом. Пролетарское право — уже не марксово допускаемое равное право, которое должно постепенно отмереть при социализме, а прямая противоположность буржуазному праву.

Позднее, в 1927 г. Стучка писал, что в военно-коммунистический период юридическая работа шла по разрушительному пути: «Тогда мы шли в лобовую атаку, о гражданском праве и разговора не было»¹⁵. По его словам, сначала большевики разрушили старое право, потом создали условия для формирования нового права (декрет о суде и иное законотворчество) и лишь к концу 1920-х гг. новое право сформировалось. Это делает идею отрицания права неуместной. Даже ленинскую идею отрицания права, по словам Стучки, следует «понимать не дословно, а революционно-диалектически»¹⁶. Сравнивая СССР с зарубежными странами, Стучка утверждал, что буржуазное государство отличается от пролетарской диктатуры лишь классово-принадлежностью политического руководства,

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), 1919. № 66. Ст. 590.

¹⁴ Там же (преамбула Руководящих начал).

¹⁵ Стучка П. И. Государство и право в период социалистического строительства / Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей, 1917–1930. М., 1931. 238 с. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 155.

а советское право отличается от буржуазного лишь содержанием законов и персональным составом участвующих в их составлении лиц.

Идею жизнеспособного пролетарского права, замещающего отмирающее буржуазное, Стучка развивал в предложенном им определении понятия «право» (п. 1 Руководящих начал): «Право — система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его». Это определение он комментировал в статье «Пролетарское право» (1919 г.), которая начиналась со следующих слов: «Понимая право в буржуазном смысле, мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении права... Для буржуазного правоведа слово “право” неразрывно связано с понятием государства как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса. С падением или, правильнее, отмиранием государства естественно падает, отмирает и право в буржуазном смысле»¹⁷.

Заметим, что к широко известным взглядам Маркса о праве Стучка прибавляет слова «в буржуазном смысле». С установлением пролетарской власти право, по его мнению, неизбежно отмирает, но речь здесь идет о праве в буржуазном смысле. Стучка прямо утверждал, что «для буржуазного правоведа слово “право” неразрывно связано с понятием государства как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса»¹⁸. Иными словами, даже марксово понимание права Стучка приписывал исключительно буржуазным правоведом. Стучка следовал здесь той логике, что конструкт, который Маркс считал правом и орудием угнетения, на деле является лишь буржуазным правом. Право же как таковое для Стучки не было обусловлено эксплуатацией, а значит, ее прекращение не влекло за собой конца права.

Стучка пояснял, что после устранения классового государства в социалистическом обществе право также будет существовать, но уже в ином качестве: «О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о праве переходного времени, периода диктатуры пролетариата или уже о праве социалистического общества в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства как органа угнетения в руках того или иного класса взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, то есть всего нового общества»¹⁹. Таким образом, право в буржуазном смысле постепенно отомрет, но в социалистическом смысле оно лишь зародится. В новом обществе право из орудия угнетения превратится в выражение сознательной доброй воли трудящихся. При этом выражение «сознательная добрая воля» Стучка далее никак не использует и не конкретизирует.

Подобное понятие права является новаторским для марксистской теории уже потому, что под правом в нем понимается куда более абстрактный и ширококомасштабный феномен, чем у Маркса. Для Маркса буржуазное право — единственно возможное право, и отход от капитализма приведет к исчезновению права. Но в интерпретации Стучки смена жизненного уклада и «отмирание права» означают лишь замену старых правовых доктрин новыми. Стучка задает для права более широкий масштаб, при котором марксово «право» превращается в «западную правовую традицию» и существует наряду с другими традициями. Пролетарское государство не уничтожает старое право, а создает на его основе новую, советскую правовую традицию. Она вступает в диалог с буржуазным правом, в чем-то соглашаясь со своим «прародителем», а в чем-то решительно оппонировав ему.

В этом ракурсе становится понятно, что заявления об отмирании права у Стучки почти не выходят за рамки лозунгов. Так, он писал, что «для нас право и культура не тождественные понятия. Завоевания культуры перейдут и в будущее общество (конечно, не в “чистом”, то есть в нынешнем виде), а право не перейдет, оно должно отмирать»²⁰.

На деле в 1930 г. Стучка уже прямо полемизировал с нигилистами: «“Право отмирает”. “Государство отмирает”. А если пока еще не государство, то право — во всяком случае... Я не буду особо останавливаться на тезисе об отмирании государства. Кто в настоящий момент самой ожесточенной классовой борьбы утверждает, что государству пора отмереть, тот — либо невежда, либо выступает как прямой подголосок контрреволюционных теорий. Только благодаря сильному пролетарскому государству возможен тот небывалый революционный поворот, который мы переживаем сейчас. Но ведь ни одно государство, в том числе и пролетарское, без своего права, в данном случае советского права, немислимо»²¹.

Сама же процитированная статья была посвящена улучшению юридической техники и систематизации законодательства. Стучка не стремился похоронить право как феномен общественной жизни, напротив, он рассчитывал использовать все достижения буржуазной и марксистской науки для того, чтобы законы были ясными и эффективными, а правосудие — классово справедливым, скорым и демократичным. Все предлагавшиеся им отраслевые юридические усовершенствования были связаны с модернизацией правовых институтов, а не с их деконструкцией, чего следовало бы ожидать от последовательного нигилиста.

¹⁷ Стучка П. И. Пролетарское право / 13 лет борьбы... С. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Стучка П. И. Пролетарское право / Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / Сост.: Клява Г. Я. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с. С. 256–257.

²⁰ Стучка П. И. Культура и право / Избранные произведения... С. 437.

²¹ Стучка П. И. Право — закон — техника / 13 лет борьбы... С. 198–199.

Столь вольная интерпретация этой части марксизма так и не стала предметом критики в советской науке. В несвободной интеллектуальной атмосфере советского периода не было ясно, можно ли критиковать идею отмирания права, а равно и отказ от нее. Получалось, что проблема все время оставалась в поле зрения, но браться за нее всерьез никто не хотел. Даже непримиримый противник Стучки М. А. Рейснер критиковал его за «экономизм»²², «отрицание марксовой теории права как идеологической надстройки» и за то, что Стучка находился под влиянием Иеринга и Муромцева²³. Экономизм и правый оппортунизм припомнил Стучке и Л. Каганович, который взял на себя роль политического куратора правовой науки в 1930-е²⁴. В 1931 г. к «бухаринцам» и оппортунистам Стучку за все тот же экономизм причислил и Е. Б. Пашуканис в 1931 г.²⁵ (тот же самый ярлык позднее повесили на него самого). Таким образом, от критики по вопросам отмирания права воздерживались равным образом сторонники этого отмирания (Пашуканис) и противники (Каганович).

Отмирание права в технократической утопии (Е. Б. Пашуканис и М. А. Рейснер)

Правовед Евгений Брониславович Пашуканис в своих правовых воззрениях куда точнее ориентировался на идеи, высказанные в ключевых произведениях марксизма-ленинизма. Для Пашуканиса буржуазное право — это исторически наиболее развитый тип права, после которого не может быть никакого качественно иного права (в отличие от взгляда Стучки). Главным и единственным основанием права Пашуканис считал меновые отношения между товаропроизводителями, в связи с чем возможность существования пролетарского права в условиях экономического господства государства он последовательно отвергает.

Правопорядок времен НЭПа, по его словам, — это использование буржуазного права до тех пор, пока в нем не отпадет необходимость: «Следует иметь в виду, что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества. Если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не означает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они не способны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации. Но тем не менее в настоящую переходную эпоху пролетариат должен использовать в своем классовом интересе эти унаследованные от буржуазного общества формы и тем самым исчерпать их до конца»²⁶.

Полагаем, что такое суждение Пашуканиса следует интерпретировать как философский лозунг, что все, что имеет начало, имеет и конец. В этом смысле странно было бы утверждать о философской вечности права и государства, тем более что никто из буржуазных юристов этого не делал. Пашуканис отмечал несовместимость реалий буржуазного права с диктатурой пролетариата. Право, наделяя субъекта автономией воли, предполагает свободный рынок, обмен по договорной стоимости и, как следствие, эксплуатацию человека человеком.

В своей монографии «Общая теория права и марксизм»²⁷ Пашуканис замечал, что отмирание при социализме категорий буржуазного права само по себе не влечет их замену какими-то равноценными пролетарскими категориями. К примеру, отмирание категорий капитала, прибыли и ренты не влечет появления пролетарских категорий капитала, прибыли и т. д. Напротив, отмирание буржуазных категорий будет для Пашуканиса означать отмирание права вообще — «постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»²⁸.

Как всегда, здесь главный вопрос — как и когда право отомрет. Для ответа на него Пашуканис обращается к марксовой идее действия равного права при социализме. Но по Марксу социализм — это строй, при котором «производители не обмениваются своими продуктами. Следовательно, он берет стадию высшую, чем переживаемый нами НЭП»²⁹. Поэтому для Пашуканиса марксистский социализм — это ситуация, когда «рыночная связь целиком заменена организационной связью». Буржуазность проявляется в таком обществе только в принципе «каждому по труду». Отсюда вытекает и момент предполагаемого полного отмирания права: это момент, когда настает всеобщее изобилие и принцип «каждому по труду» заменяется принципом «каждому по потребностям». Отмирание права оказывается для Пашуканиса делом необозримого будущего, утопией, которая всегда рядом, но вместе с тем бесконечно далека.

Альтернативой праву Пашуканис видел всеобщий государственный план. Он утверждал, что право будет существовать до тех пор, пока существует рыночная экономика. Плановое хозяйство Пашуканис описывает следующим

²² За этим словом применительно к Стучке обозначалась его искренняя приверженность идеалам НЭПа и определение права через «порядок общественных отношений» (то есть без учета государственной политики).

²³ Письмо М. А. Рейснера жене Ларисе от 11 сентября 1923 г. Цит. по: Юристы и революция: Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М.: Кучково поле, 2017. С. 88.

²⁴ Каганович Л. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом. Советское государство и революция права, 1930. № 1. С. 10.

²⁵ Пашуканис Е. Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства. Советское государство и революция права, 1931. № 1. С. 17–18.

²⁶ Там же. С. 152.

²⁷ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм / Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с.

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Там же. С. 54.

образом: «[Плановая экономика означает] хозяйственную жизнь, протекающую в категориях натуральных, и общественную связь между производственными единицами, представляемую в ее разумной незамаскированной (не товарной) форме, — этому отвечает метод непосредственных, то есть технически содержательных, указаний в виде программ, планов производства и распределения и т. д. ...Очевидно, что первая тенденция [на переход к планированию] не заключает в себе никаких перспектив для процветания юридического ремесла»³⁰.

Если мерой всех благ в рыночной экономике являются деньги, то плановое хозяйство будет оперировать «натуральными категориями». Речь здесь, видимо, о том, что работа предприятий и суммы «делок» будут определяться штуками, килограммами и тоннами продукции, трудовые затраты будут измеряться человеко-часами, а вознаграждение — размером потребительского пайка. Идея всеобщего планирования как невозможность руководствоваться балансом спроса и предложения не сочетается с рыночной экономикой и не предполагает существования буржуазного права в том смысле, как его понимает Пашуканис. Однако заметим, что вера в возможность абсолютного всеобщего планирования по сути также утопична, как всеобщая справедливость и изобилие.

В написанной в 1924 г. работе «Общая теория права и марксизм» Пашуканис писал, что НЭП — это пролетарский госкапитализм, однако к 1927 г. он уточнил, что рыночные элементы при НЭПе еще не образуют рыночной экономики: «Уничтожается реальная противоположность интересов внутри национализированной промышленности, и обособленность или автономия отдельных хозяйственных организмов (наподобие частнохозяйственной) сохраняется лишь как метод»³¹. Пашуканис полагал, что если нет рыночной экономики, то нет и буржуазного права. Отсюда следует, что если при НЭПе нет рыночной экономики, то нет и буржуазного права.

Иными словами, Пашуканис пишет, что право уже при НЭПе прекратило свое существование, потому что в экономике доминирует государственный сектор с неправовым регулированием. Для существования права, следовательно, требуется не просто рыночный обмен, но господство рыночной экономики во всем государстве. При этом Пашуканис не поясняет, как государственный сектор экономики препятствует существованию права за его пределами. Не ясно также, возникнет ли право в случае, если доля частного сектора превысит долю государственного.

Пашуканис связывает свободу и личное равенство людей с рыночным обменом (по законам стоимости). Он пишет, что даже критикуемый Марксом «эгоистический субъект» — это неизбежное следствие личной свободы, одна из «масок», под которыми выступает человек в буржуазном обществе. Двумя другими масками здесь являются «субъект права» и «моральная личность»³². Последние для Пашуканиса не имеют никакой позитивной ценности, так как, по его словам, ни свобода, ни права личности не защищают пролетария от разорения и эксплуатации со стороны капиталиста. Причем такой парадокс Пашуканис называет не специфическим недостатком капитализма, а самой сутью этических категорий свободы и морали.

В этом смысле переход к «плану» — это еще и отмирание этических категорий, переход к такому строю, при котором «люди смогут строить и мыслить свои отношения, пользуясь простыми и ясными понятиями вреда и пользы»³³. Можно заключить, что через изменение экономики Пашуканис предполагает изменить саму человеческую природу, устранить жадность, властолюбие, эгоизм и прочие пороки. Заметна аксиоматичность такой линии рассуждений: Пашуканис не объясняет, как из экономического обмена вытекают вечные пороки человечества, известные еще во времена древнейших цивилизаций.

Переход к плановой экономике — это, по словам Пашуканиса, «чистый утилитаризм». Однако его нельзя причислить к классическим утилитаристам (Милль, Менгер, Парето, фон Мизес), которые под пользой понимали индивидуальное удовольствие, сумма которых составляла общую пользу. Пашуканис вслед за Марксом отрицал индивидуализм и частную пользу. Но нового значения пользы Пашуканис не предложил. Он говорил, что понятия вреда и пользы «просты и понятны», «просты и разумны» и даже утверждал, что возможен категорический императив «поступай так, чтобы принести наибольшую пользу своему классу»³⁴. Но нигде в его рассуждениях о пользе и вреде нам не удалось обнаружить, что именно под ними он имеет в виду. Противопоставление индивида и класса нового понятия пользы еще не создают. Из-за этой недосказанности преодоление права во имя утилитаризма у Пашуканиса также является лишь лозунгом.

Аналогичной линии рассуждений Пашуканис придерживался при анализе опыта экономического регулирования буржуазных государств. В статье «Экономика и правовое регулирование»³⁵ 1929 г. он детально разобрал меры буржуазных государств по регулированию экономики, начиная со Средних веков, но наиболее подробно — в период Первой мировой войны. Он констатирует, что в 1914–1918 гг. вмешательство правительств в экономику было беспрецедентным и невероятно эффективным, особенно в Англии.

³⁰ Там же. С. 123.

³¹ Там же. С. 124.

³² Там же. С. 145.

³³ Там же. С. 150.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Пашуканис Е. Б. Экономика и правовое регулирование. Революция права, 1929. № 4. С. 12–32. № 5. С. 20–37. URL: https://kritikaprava.org/library/305/ekonomika_i_pravovoe_regulirovanie#d1.

Пашуканис заключает, что любые государственные меры по регулированию экономики ослабляют действие в обществе правовых принципов: «Регулирование становится тем более эффективным, чем слабее и незначительнее становится роль закона и юридической надстройки»³⁶. При этом он не оценивает, почему несмотря на позитивный опыт по окончании войны право в Англии восстановило свои позиции, а все чрезвычайные меры были отменены.

Таким образом, взгляды Пашуканиса об отмирании права не имеют конкретного обоснования. Утверждая, что оно отомрет, он не указывал ни причину, ни срок, ни последствия. Пашуканис также нигде не дал развернутого описания того, как должно работать новое общество. Из-за этого вся его критика буржуазного права оказывается конъюнктурной: правоведа обращает внимание то на один, то на другой недостаток старой картины мира, но не выстраивает из этих аргументов никакую новую концепцию права. Все выпады против права и государства как таковых носят у него политико-идеологический характер.

Ближих с изложенными Пашуканисом взглядов придерживался Михаил Андреевич Рейснер. В монографии «Право. Наше право. Чужое право. Общее право»³⁷ Рейснер постарался обосновать прогноз Маркса об отмирании права при коммунизме через категории своей классово-психологической теории права. Фрагмент работы Маркса «Критики Готской программы», в котором рассказывалось об установлении по сути рая на земле и искоренении какого-либо неравенства, Рейснер интерпретировал следующим образом: «С преодолением искусственного равенства... коммунистическое общество переходит к фактическому равенству, которое, само собой, делает излишним какое бы то ни было «равное право»... [Когда] от каждого будет взято по его способностям, а каждому дано по его потребностям, тогда будет покинут буржуазный правовой кругозор, а с ним исчезнет противоречие между фактом и правом, экономической действительностью и построенной над ней идеологией»³⁸.

Из этого утверждения следует, что по Рейснеру концепция формального равенства появилась из невозможности определить специальную меру для каждого фактически неравного индивида. Но на современном автору этапе возможности учета и планирования существенно расширились, что позволяет оценить и исправить изначальное фактическое неравенство каждого индивида. Если все индивиды будут равны фактически, то доктрина формального равенства перестанет быть нужной, а вместе с ней исчезнет потребность в категориях субъекта права, прав и обязанностей. Буржуазное право, таким образом, полностью отомрет.

Рейснер также пояснял, почему на смену буржуазному праву не придет никакое качественно иное право. Он замечает, что даже «неравное право» в период социализма уже не будет правом в истинном смысле слова. Чтобы объяснить разницу, нужно, по словам Рейснера, еще раз вспомнить отличия правового и научно-технического регулирования. Первой характерной чертой права является его оторванность от экономических условий (идеологичность), техническое же регулирование точно их отражает. Вторым признаком права является то, что оно представляет собой результат столкновения интересов, выраженных в требованиях справедливости и равенства. Следовательно, покуда существует идеологический протест против несправедливости, существует и право.

Если же искоренить фактическое неравенство, то, по мысли Рейснера, установится безоговорочная всеобщая справедливость. Исчезнут правовые требования, без которых невозможно существование субъективного права, и, соответственно, исчезнет столкновение субъективных прав, из которого рождается объективный правопорядок. Человеческое сосуществование в этом случае будет полноценно, за исключением того, что вместо права в нем останутся только научно-технические предписания. Как и Пашуканис, Рейснер не поясняет, как будет достигнута ситуация, в которой исчезнет потребность в праве. Рейснер связывает это с тотальным планированием, но обозначает еще более далекий рубеж — всеобщие равенство и справедливость.

Отмирание права как идеологический трафарет (И. П. Разумовский)

Советский философ Исаак Петрович Разумовский занимался многими вопросами марксистской философии и права. В наиболее систематизированном виде его правовые воззрения отражены в монографии 1925 г. «Проблемы марксистской теории права»³⁹. В ней Разумовский утверждал, что методологической основой всех теоретических марксистских разработок должна стать социологическая критика буржуазной общественной науки по аналогии с тем, как Маркс в «Капитале» критиковал классическую политэкономию.

В соответствии с этим социологическая критика буржуазной юриспруденции, по словам Разумовского, должна одновременно быть и социалистической критикой. Ее высшей точкой должны стать вопросы отмирания права в коммунистическом обществе⁴⁰. Характерно, что вопрос об отмирании права Разумовский не дедуцирует из других своих взглядов, а сразу подает под знаком равенства: социологическая критика — это и есть социалистическая критика, в том числе вопросы об отмирании права. При этом Разумовский никак не поясняет, как будет регулироваться жизнь общества без права, как и когда оно отомрет. Разумовский не снабжает этот тезис теоретическим обоснованием,

³⁶ Там же. С. 37.

³⁷ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925. 276 с.

³⁸ Там же. С. 257.

³⁹ Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. 136 с.

⁴⁰ Там же. С. 23.

вследствие чего он смотрится инородно в ткани его произведения, где прочие вопросы раскрыты детально и последовательно.

Рассмотрим в качестве примера взгляды Разумовского на судьбу права при социализме. Разумовский придерживался взгляда, что советское право представляет собой марксово «буржуазное равное право при социализме». Издание революционных законов, по словам Разумовского, не порождает качественно нового права. Экономические отношения НЭПа Разумовский характеризует как государственный капитализм: «Экономическая политика проводится самим государством при помощи рыночных отношений»⁴¹.

Для Разумовского перспектива отмирания права находилась дальше, чем для Пашуканиса. Если Пашуканис уже в правовом порядке НЭПа видел процесс угасания права, то Разумовский прямо заявлял, что буржуазное право без каких-либо новых принципов сможет выразить («формально опосредовать») институты советской экономики. Пролетарское государство для Разумовского является лишь особым субъектом права, которое «в правовой же форме!» может устанавливать для себя привилегии и ограничивать действия права.

Буржуазное право при этом будет существовать до тех пор, пока существуют классы. Правом будут руководствоваться все классы, в том числе пролетариат: «Пролетариат... не может, однако, отрешиться окончательно от товарно-правовой идеологии: он не может не использовать формы права для своего строительства, не может не мыслить в правовых терминах, не может не выставлять правовых требований... Единственное, чего может и должен добиться пролетариат на пути преодоления правовой идеологии — это научиться, при помощи своего могучего оружия — диалектического метода, отличать правовое выражение от его экономической сущности»⁴².

Здесь виден обращенный к пролетарскому государству призыв признать буржуазное право и опереться на него со всеми его недостатками и иллюзиями. Разумовский далее поясняет, что это не противоречит строительству социализма, так как исторически право нового класса всегда возникало и выразилось в старом праве. И дело тут не только в правосознании, а во взаимовлиянии старого и нового права.

По словам Разумовского, пролетариат должен использовать институты буржуазного равного права до тех пор, пока не наступит коммунизм и право не отомрет целиком. Если Пашуканис предложил хотя бы переход от правового к техническому регулированию при тотальном планировании, то Разумовский говорит лишь о том, что произойдет «смерть права как идеологии, переход в коммунистическом обществе к сознательно регулируемой и сознающей характер своей связи с материальными условиями производства системе общественного поведения»⁴³. Что это за система, чем она отличается от права и как произойдет его отмирание, Разумовский не конкретизирует.

Во взглядах Разумовского нигилистические марксистские прогнозы сочетаются с полным отсутствием конкретики и какого-либо самостоятельного правового обоснования. Отмирание права для него в большей степени, чем для остальных юристов, является дежурным набором слов, который вплетается в текст по «велеанию времени».

Заключение

В довоенном СССР о проблеме отмирания права много писали в академической среде, а за ее пределами по-иском единственно правильного правопонимания занимались и высшие советские руководители. Однако ни у кого из советских теоретиков не было сколько-нибудь детализированной теории этого процесса.

П. И. Стучка подробно разрабатывал многие аспекты советской теории права и ввел в оборот категорию пролетарского права для обозначения правового порядка в СССР. Он понимал, что формирующаяся система советского права не показывает признаков отмирания, и потому действие лозунга об отмирании права он ограничил лишь «буржуазным правом», то есть набором классических правовых доктрин о неприкосновенности собственности, свободе договора и т. д. «Отмирание права» для Стучки — это замена одних законов другими, при этом право как таковое продолжает жить и развиваться в новом качестве.

Е. Б. Пашуканис считал буржуазное право единственным возможным правом. По этой причине отмена в СССР буржуазных правовых институтов означала для него постепенную деградацию права. По его мнению, все отношения между людьми в будущем будут регулироваться не правовыми, но техническими нормами. Однако Пашуканис не решился описать, как именно правовые нормы превратятся в технические, как будет устроено новое техническое регулирование и как отмирание права повлияет на общественное устройство. Из-за этого никакой полноценной теории отмирания права у Пашуканиса также не было, а рассуждения об этом были утопичны по своему характеру.

М. А. Рейснер видел источник права в спонтанно возникающих в разных коллективах требованиях восстановить нарушенную справедливость, и в этой теории момент отмирания права совпадал с моментом установления всеобщей справедливости и равенства между людьми. Рейснер полагал, что в обществе будущего не потребуются никакое разграничение интересов и компромиссы, вследствие чего право исчезнет само собой.

⁴¹ Там же. С. 77.

⁴² Там же. С. 134.

⁴³ Там же. С. 23.

Наконец, И. П. Разумовский, который был не только теоретиком права, но и философом, горячо поддерживал идею отмирания права, но не снабжал ее теоретическим обоснованием. По его словам, в СССР периода НЭПа продолжало действовать буржуазное право, и рабочие в период построения социализма вполне могли им пользоваться. Таким образом Разумовский не признавал угасания буржуазного права при социализме.

Недостаточная аргументированность тезиса об отмирании права при социализме была необычным явлением для советской правовой науки. Ведь другие общетеоретические вопросы (о понятии права, роли классов в праве, содержании современного советского и буржуазного правопорядков) и отраслевые разработки этих же ученых носили обоснованный и детально разработанный характер. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что приведенные в настоящей статье авторитетные ученые-правоведы не воспринимали идею отмирания права как научную в полном смысле этого слова. Они соглашались с этой идеей на уровне лозунга или политико-правового идеала, но никак не в виде научной концепции.

Несогласие советских руководителей с идеей отмирания права выглядит скорее поводом, чем истинной причиной конфликтов 1930-х гг. Настоящую же причину «обострения классовой борьбы на правовом фронте» следует искать за рамками научных концепций⁴⁴. Невозможность обосновать идею отмирания права в рамках марксизма-ленинизма подчеркивает крайнюю жизнеспособность доктрины права. Ее не получилось отбросить даже в условиях тотального отрицания «старого порядка» с опорой на самые изощренные интеллектуальные приемы. Право смогло преодолеть решительные многолетние попытки своей деконструкции и оказалось, пусть и в ограниченном и деформированном виде, годным инструментом для регулирования жизни в самых разных обществах.

Литература

1. В наступление по всему фронту. Советское государство и революция права, 1930. № 11–12. С. 5.
2. Жуков В. Н. Социология права в России: вторая половина XIX — первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект). Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 367 с.
3. Медушевский А. Н. Политическая мысль и дискуссии 20-х годов XX в. Полит. наука, 2001. № 1. С. 104–175.
4. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М.: Инфра-М: Норма, 1997. 647 с.
5. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм / Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с.
6. Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии). Советское государство и революция права, 1930. № 11–12. С. 16–49.
7. Пашуканис Е. Б. Экономика и правовое регулирование. Революция права, 1929. № 4. С. 12–32.
8. Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. 136 с.
9. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925. 276 с.
10. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сборник статей, 1917–1930. М., 1931. 238 с.
11. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / сост. Г. Я. Клява. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
12. Шепталин А. А. Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920–1930-е гг. Lex Russica, 2022. Т. 75. № 4. С. 128–142.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 173.
14. Bodenheimer E. Impasse of Soviet Legal Philosophy. Cornell L. Rev. 1952. Vol. 38. Art. 2.
15. Bodenheimer E. Review on Selected Writings on Soviet Law and Marxism by P. I. Stuchka. The American Journal of Comparative Law. Vol. 38. No. 1 (Winter, 1990). P. 196–199.
16. Sharlet R., Maggs P., Beirne P. P. I. Stuchka and Soviet Law / Revolution in Law: Contributions to the Legal Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. Taylor and Francis, 2017. P. 45–60.

References

1. On the Offensive Along the Entire Front [V nastuplenie po vsemu frontu]. Soviet State and the Revolution of Law [Sovetskoe gosudarstvo i revoljucija prava], 1930. No. 11–12. P. 5. (In Rus.)
2. Zhukov, V. N. Sociology of Law in Russia: the Second Half of the 19th — the First Third of the 20th Century (Theoretical and Methodological Aspect). [Sociologija prava v Rossii: vtoraja polovina XIX — pervaja tret' XX v. (teoretiko-metodologičeskij aspekt)]: PhD thesis. M., 2015. 367 p. (In Rus.)
3. Medushevsky, A. N. Political Thought and Discussions of the 20s of the XX Century [Politicheskaja mysl' i diskussii 20-h godov XX v]. Political Science [Polit. nauka]. 2001. No. 1. P. 104–175. (In Rus.)

⁴⁴ Роль и место различных факторов в полемике тех лет может быть предметом отдельного исследования. Однако в пользу такого предположения говорит тот факт, что П. И. Стучка хотя и не был сторонником идеи отмирания права, в 1930-е гг. сохранил (посмертно) положительную официальную репутацию. Он и его работы не подвергались публичной дискредитации.

4. *Nersesyants, V. S.* Philosophy of Law: Textbook. [Filosofija prava: ucheb.] M.: Infra-M: Norma, 1997. 647 p. (In Rus.)
5. *Pashukanis, E. B.* General Theory of Law and Marxism. New York: Routledge, 2002. 195 p. (In Rus.)
6. *Pashukanis, E. B.* The Situation on the Theoretical Legal Front (On Some Results of the Discussion) [Polozhenie na teoreticheskom pravovom fronte (K nekotorym itogam diskussii)]. Soviet State and the Revolution of Law [Sovetskoe gosudarstvo i revoljucija prava], 1930. No. 11–12. P. 16–49. (In Rus.)
7. *Pashukanis, E. B.* Economics and Legal Regulation [Jekonomika i pravovoe regulirovanie]. Revolution of law [Revoljucija prava], 1929. No. 4. P. 12–32.
8. *Razumovsky, I. P.* Problems of the Marxist Theory of Law [Problemy marksistskoj teorii prava]. M., 1925. 136 p. (In Rus.)
9. *Reisner, M. A.* Law. Our law. Foreign law. Common law. [Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshee parvo] L., 1925. 276 p. (In Rus.)
10. *Stuchka, P. I.* 13 Years of Struggle for the Revolutionary Marxist Theory of Law: Collection of articles 1917–1930 [13 let bor'by za revoljucionno-marksistskuju teoriju prava : sbornik statej, 1917–1930]. M., 1931. 238 p. (In Rus.)
11. *Stuchka, P. I.* Selected Works on the Marxist-Leninist Theory of Law [Izbrannye proizvedenija po marksistsko-leninskoj teorii prava] / Comp. G. Ya. Klyava Riga: Latv. state publishing house, 1964. 748 p. (In Rus.)
12. *Sheptalin, A. A.* The Formation of Quasi-Marxist Legal Understanding in Soviet Legal Science in the 1920s–1930s [Formirovanie kvazimarksistskogo pravoponimaniya v sovetskoj juridicheskoj nauke v 1920–1930-e gg.]. Lex Russica, 2022. Vol. 75. No. 4. P. 128–142. (In Rus.)
13. *Engels, F.* The Origin of the Family, Private Property and the State [Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva] / K. Marx and F. Engels. Compositions [K. Marks i F. Engels. Sochinenija]. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1961. T. 21. P. 173.
14. *Bodenheimer, E.* Impasse of Soviet Legal Philosophy. Cornell L. Rev., 1952. Vol. 38. Art. 2.
15. *Bodenheimer, E.* Review on Selected Writings on Soviet Law and Marxism by P. I. Stuchka. The American Journal of Comparative Law. Vol. 38. No. 1 (Winter, 1990). P. 196–199.
16. *Sharlet, R., Maggs, P., Beirne P. P. I. Stuchka and Soviet Law / Revolution in Law: Contributions to the Legal Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938.* Taylor and Francis, 2017. P. 45–60.